

ЦИКЛИЗАЦИЯ В РУССКИХ САТИРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ XVIII ВЕКА¹

© 2016 г. Л. А. Трахтенберг

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
Lev_A_T@inbox.ru

CYCLIZATION IN THE RUSSIAN SATIRICAL MAGAZINES OF THE 18th CENTURY

© 2016 Lev A. Trakhtenberg

Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer at the Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology of the Lomonosov Moscow State University,
1-51 Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russia
Lev_A_T@inbox.ru

Циклизация рассматривается в статье как ключевой композиционный механизм сатирических журналов. Она поддерживает единство текста и в то же время создает возможность варьирования точек зрения, моделируя диалог и создавая эффект объемного художественного видения.

Cyclization is viewed here as an organizing principle for the satirical journals. Cyclization reinforces textual unity and, at the same time, enables multiple viewpoints, shaping the dialogue and creating a stereoscopic 3D-effect.

Ключевые слова: цикл, сатирические журналы, диалог, точка зрения, пародия.

Key words: cycle, satirical magazines, dialogue, viewpoint, parody.

Цикл – новая целостность целых. Литературоведческие определения цикла, варьируя объем и признаки понятия, сходятся в том, что он представляет собой такое объединение элементов, которое, хотя они и могут быть самостоятельны, создает новое качество (см.: [1, с. 7–14; 2, с. 3–7; 3; 4; 5; 6] и др.).

Элементы могут быть различны: стихотворения (в ряду циклов называли “Оды торжественные” и “Элегии любовные” А.П. Сумарокова [7], “Подражания Корану” А.С. Пушкина, “Сумерки” Е.А. Боратынского, сборники символистов, а также “каменноостровский цикл” Пушкина, “ивановский цикл” М.Ю. Лермонтова), эпические и лиро-эпические жанры фольклора и литературы (“киклические поэмы” античности, давшие название понятию, новгородский и киевский циклы, объединяющие большинство русских былин, “восточные поэмы” Дж.Г. Байрона и “южные” – Пушкина), малые и средние жанры прозы – рассказы, новеллы, повести, очерки (“Декамерон”, “Повести Белкина”, “Вечера

на хуторе близ Диканьки”, “Губернские очерки”, “Темные аллеи”, как цикл может рассматриваться и “Герой нашего времени” [8]), даже романы (“Человеческая комедия”, “Сага о Форсайтах”).

Различны и механизмы их объединения. Циклом обычно называют композиционно единый или, вернее, объединенный текст, как, например, “Темные аллеи”, но иногда единство восстанавливают на основании содержательной или формальной общности, как в случае “ивановского цикла” или “южных поэм”. Промежуточные случаи представляют “Маленькие трагедии” и “каменноостровский цикл”: обращение к рукописям подтверждает существование замысла объединить тексты в первом случае [9, с. 530–532] и дает некоторые основания предполагать такой замысел – во втором [10, с. 52–57], однако, в отличие от “Повестей Белкина”, ни тот, ни другой цикл Пушкин не объединил ни в одном издании, которое сам готовил. Общими в цикле могут быть тема, идея, жанр, герой, сюжет, мотив, источник, адресат, часто – несколько признаков одновременно; при композиционно оформленном единстве объединяющие признаки могут быть неочевидны. Циклы разли-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-50083.

чаются мерой своего единства: оды Сумарокова поначалу не были связаны общностью замысла и печатались по отдельности на протяжении многих лет, а в эпоху символизма стихотворения мыслятся именно в составе поэтических сборников (см.: [11]).

Явление цикла коренится в разрыве между частью и целым и преодолевает этот разрыв. Эстетический парадокс циклизации заключается в том, что и цикл как единство, и каждый из составляющих его элементов можно воспринимать как самодостаточный эстетический объект; цикл-целое концептуально подобен своей части.

Сатирический журнал – одна из литературных форм, в которых циклизация играет исключительно важную роль. Сатирический журнал представляет собой специфический тип периодического издания в европейской литературе XVIII в. Его классические образцы – английские журналы “The Tatler” и “The Spectator”, издававшиеся Дж. Аддисоном и Р. Стилем в 1709–1714 гг. В России отдельные статьи из “The Tatler” и “The Spectator” переводятся уже в 1720-х – 1730-х гг. [12, с. 12–24], однако оригинальные сатирические журналы возникают лишь в 1769 г. Первый из них – журнал “Всякая всячина”, издаваемый Екатериной II, за которым следуют “И то и сё” М.Д. Чулкова, “Ни то ни сё” В.Г. Рубана, “Трутень” Н.И. Новикова и др. – всего восемь в течение одного года. Традиция продолжается и позднее: к этому жанру можно отнести, например, “Почту духов” И.А. Крылова (1789), “Сатирический вестник” Н.И. Стрхова (1790–1792) и “Что-нибудь от безделья на досуге” Н.П. Осипова (1798–1800).

Издатели сатирических журналов в духе эпохи Просвещения ставят перед собой дидактические задачи – исправлять нравы, в том числе и путем сатирического изображения пороков. При этом в соответствии с горацианским принципом *utile dulci miscere* дидактическая функция соединяется с рекреативной, нравовучению придается легкая форма.

Сатирический журнал часто создается одним автором или небольшим авторским коллективом, причем сравнительно недолго: продолжительность существования таких изданий – от месяца до нескольких лет. Журналы выходят часто: большинство – еженедельные, хотя встречаются и ежедневные (“Поденьшина” В.Г. Тузова), и ежемесячные, и даже не имеющие определенной периодичности (“Сатирический вестник”). Объем номера русских еженедельных журналов обычно составляет 8 страниц. Каждый номер, называвшийся листом, может быть занят одним

произведением или несколькими. В сатирических журналах преобладают малые формы, в основном прозаические (хотя печатаются и стихи, и иногда поэзия едва ли не важнее прозы: таков “Рассказчик забавных басен” А.О. Аблесимова).

Произведения малых жанров в составе журнала соединены многообразными связями, как содержательными, так и формальными. Различные типы связей поддерживают друг друга, образуя сложную сеть соответствий. Эти соответствия формируют сверхтекстовые единства – циклы. Объем таких структур варьируется в широких пределах: от двух, трех текстов в одном листе до всего журнала в целом.

Циклизация выступает как конститутивный принцип поэтики сатирических журналов, их структурная основа. Циклы разнообразны как по форме, так и по функции. По типологическому разнообразию и конструктивной роли они представляют собой исключительно важное историко-литературное явление. Задача работы – выявить композиционные механизмы циклизации и продемонстрировать ее конструктивную роль в поэтике сатирических журналов.

В журналах используются различные модели организации циклов. Во-первых, конструктивной базой циклизации служат разного рода **рамочные структуры**, охватывающие весь текст журнала или его часть. Во-вторых, циклы складываются на основе **формального и содержательного сходства самих статей**. Иными словами, можно говорить как о внешней, так и о внутренней мотивированности циклических связей.

Рамочную структуру создают образы субъектов речи – издателя и читателей. Образ издателя объединяет весь журнал; образ читателя, как правило, включает в свою сферу лишь незначительную долю материалов. Как форма, так и содержание статей в рамках журнала, конечно, варьируются, так что на этих основаниях, как правило, создается цикл, охватывающий лишь часть издания; однако возможно и повторение одной и той же композиционной модели на всем его протяжении. Иными словами, и рамочные механизмы циклизации, с одной стороны, и механизмы, основанные на структурном подобии текстов – с другой, могут действовать как в объеме журнала как целого, так и в пределах какой-либо его части. Таким образом, типология циклических моделей в журналах оказывается двумерной.

Далее будет вначале рассмотрен класс композиционных моделей, охватывающих журнал как целое, затем – класс моделей, действующих лишь в пределах некоторой его части. В рамках каж-

дого из этих классов будут вначале рассмотрены рамочные механизмы циклизации, затем – формальные и содержательные.

1. Журнал как целое.

1. Среди приемов, позволяющих придать единство журналу во всем его объеме, главный – это создание **образа автора**, в данном случае – **издателя**. Образ это, разумеется, вымышленный, условный, обычно не предполагающий автобиографического подтекста. О том, кто в действительности издает журнал, читатель может даже не знать: во “Всеякой Всеячине”, в “Трутне” и в других журналах 1769 г. имя издателя не сообщается, зато образ издателя фиктивного детализирован.

Характеристика издателя может быть как статической – описательной, так и динамической – сюжетной. В журналах встречается и описание внешности издателя, и психологический портрет. Оба приема использованы во “Всеякой всячине”, причем структура этого журнала осложнена тем, что в нем вслед за журналом Аддисона и Стиля “The Spectator” вводится фикция “общества”, участвующего в издании, и каждый из его членов получает самостоятельную характеристику. Психологический портрет использован и в “Трутне” [13, с. 3–8].

Сюжет с участием издателя может быть ориентирован на эстетику правдоподобия, но бывает и аллегорическим, даже фантастическим. “Поденьшина” [14] выделяется среди современных ей журналов своей сюжетной основой: журнал принимает форму дневника издателя. Действие погружено в быт. Как и в других журналах, в “Поденьшине” представлено и описание, и рассуждение, но мотивировкой ввода таких фрагментов служит приурочение к повествовательному ряду. Во “Всеякой всячине” рассказывается история одного из членов “общества” издателей, который, будучи молод, отправляется в путешествие, следует дурному примеру, но затем исправляется [15, с. 9–12]. Не выходя за рамки повседневности, сюжет тем не менее граничит с аллегорией, поскольку соотносится с архетипическим образцом – притчей о блудном сыне. В журналах “И то и сё”, “Что-нибудь” (атрибутирован В.В. Лазаревичу, см.: [16]) и “Что-нибудь от безделья на досуге” издатель становится участником фантастических сцен, снижающих мифологическую образность, как в ироико-комической поэме [17, № 2, с. 1–3; 18, № 1, с. 4–7; 19, с. 3–6]. Например, в журнале “Что-нибудь” издатель оказывается на Парнасе, где Аполлон дает ему пощечину; сцена мотивируется сном. В дальнейшем мифологический сюжет получает продолжение, но действие

разворачивается в Петербурге, где издатель снова встречает Аполлона [18, № 3, с. 1–3].

Для создания образа издателя используются и средства речевой характеристики. Нередко они позволяют придать этому образу иронический колорит. Эффект иронии может быть достигнут разными средствами. Например, в журнале “И то и сё” он создается с помощью пословиц и самоуничижительных замечаний от лица издателя: “кажется мне, будто бы я похожу на изрядного простофилю” [17, № 1, с. 8]. В заключительной статье “Трутня” для сходной цели использован иной прием: эмоциональность речи и поведения издателя гиперболизируются до степени пародии. Например, издатель обращается к читателям: “Варвары, тигры! вы не проливаете слез, видя мою горесть? <...> Я заклинаю себя наказать вас за вашу свирепость... бешенство мною владеет... так, я вас накажу... но... на что колебаться; слушайте приговор вашего наказания: впредь ни единой строки для вас писать не буду...” [20, с. 135–136].

В речевой организации журнала образ издателя выполняет мотивировочную функцию: метатекстовые реплики от его лица позволяют вводить разного рода статьи. Но важнее, что образ издателя служит концептуальным центром журнала, задавая интеллектуальный, эмоциональный и речевой модус оценки. Этот модус во многих журналах (например, таких, как “Всеякая всячина”, “И то и сё”, “Трутень”) определяется контрастным объединением просветительского дидактизма и иронии, которую издатель направляет прежде всего на себя. Совмещение серьезного и комического элементов напоминает о категории серьезно-смехового, разработанной М.М. Бахтиным [21, с. 121 сл.], однако за сходством скрыто различие, даже противоположность. Если, по Бахтину, скорее не в серьезной, а именно в смеховой стороне мировидения раскрывается подлинная смысловая глубина, то в журналах эпохи Просвещения дидактический элемент преобладает над смеховым. В то же время ирония смягчает моралистический пафос и, смещая точку зрения, создает эффект объемности образов.

2. Композиционная целостность может подчеркиваться не общностью субъекта речи, а **единообразием частей журнала**, причем образ издателя как персонажа не развит. Таким приемом пользуется Н.И. Страхов в “Сатирическом вестнике”. Вышло девять выпусков (частей) издания: шесть – в 1790, две – в 1791 и одна – в 1792 г. Структура выпуска во всех случаях одна и та же. Вначале следует ряд статей, пародирующих кор-

респонденции современных Страхову газет; завершают выпуск пародийные объявления под рубриками: “Любопытные известия”, “Объявление от театра щеголей и щеголих”, “О приезжающих и отъезжающих”, “Привоз товаров”, “Брачный курс”, “Прибавление к ведомостям”, включающее разделы “Продажа”, “Подряд”, “Наем”, наконец, “Объявления”. В свою очередь, под рубрикой “Любопытные известия” могут быть помещены тексты различных жанровых форм: например, в ч. II – “Изъятие из нравственного лечебника некоторых редких и полезных лекарств” [22, ч. 2, с. 100–112], в ч. VIII – “Отрывки, извлеченные из журналов некоторых великих людей в большом свете” в стихотворной форме [22, ч. 8, с. 70–75], а в ч. IX – “Месяцеслов большого света и хронология достопамятнейшим происшествиям” [22, ч. 9, с. 52–75]. Иногда заголовки варьируются. Так, после статьи “Брачный курс” в ч. I следует статья “Плата за честность по парижскому курсу” [22, ч. 1, с. 114], в ч. VI – “Известие о модном весе, мере и счислении” [22, ч. 6, с. 84–86], а в ч. VII – “Новомодный курс прожитку”. Состав таких статей иногда меняется (например, в ч. I еще нет статей “Привоз товаров” и “Наем”, они появляются начиная с ч. II), но последовательность их типов остается устойчивой.

Пародийные корреспонденции в журнале Страхова помечены фиктивными датами: в первом из писем – “Неизвестного месяца от 87 дня” [22, ч. 1, с. 3], во втором – “Неизвестного месяца от 89 дня” [22, ч. 1, с. 10] и т.д. Числа все возрастают и в последней из корреспонденций ч. IX достигают 744 [22, ч. 9, с. 49]. Фиктивны и указания на место, откуда отправлены корреспонденции. Адрес обозначается единообразно: “Из города М.....” [22, ч. 1, с. 3] или “Из К..... уезда” [22, ч. 1, с. 10]; при сохранении структуры меняются буквы, указывающие город или уезд. В разделе “О приезжающих и отъезжающих” используются вымышленные даты, отличные от тех, которыми помечены корреспонденции: например, в ч. I – “Со 102 числа месяца обезьянства по 180 число месяца подражательности” [22, ч. 1, с. 111], а в ч. IV – “С 272 дня месяца любви иностранных дурачеств по 320 число охоты к выдумкам” [22, ч. 4, с. 98–99].

Фиктивная датировка и локализация задают хронотоп сатиры. Перенос действия в вымышленное пространство и время, автор явным образом отрицает тождество сатирического мира с миром действительным, но лишь для того, чтобы это тождество подчеркнуть.

3. Журнал также может быть объединен на основе **комплексного сюжетно-композиционного решения**. Рамочная структура, сформированная образами субъектов речи, объединяется с ограничениями, наложенными на жанровую структуру материалов. При этом создается особый вымышленный мир, уже не только фиктивный, но и фантастический. Подобную модель используют Ф.А. Эмин в “Адской почте” [23] и И.А. Крылов в “Почте духов” [24].

В журнале Эмина большая часть текста представлена перепиской двух бесов – Хромононого и Кривого. Ее вводит предисловие от лица издателя, выступающее в качестве рамки. Кроме того, в журнале помещены сатирические “Ведомости из ада”. Характеристики издания – фантастическая повествовательная ситуация, сформированная образами субъектов речи, и преобладающий жанровый тип письма. Как показывает В.Д. Рак, эти образы восходят к памфлетам Э. Ленобля “Разговор между хромым бесом и кривым бесом”, “Второй разговор” и др., а также двум продолжающим их памфлетам под общим заглавием “Лорнет кривого беса для узнавания прошедшего, настоящего и будущего”, точно не атрибутируемым; все эти произведения, в свою очередь, продолжают образный ряд романа “Хромой бес” А.-Р. Лесажа [25, с. 28–89].

Журнал Крылова имеет еще более сложную структуру. Текст “Почты духов” также состоит из писем, которыми обмениваются фантастические персонажи. При этом часть писем объединена сквозным сюжетом, а весь их корпус предваряется вступлением, выполняющим функцию повествовательной рамки. В этом вступлении выведен и образ издателя – юноши, служащего секретарем у волшебника Маликульмулька; с разрешения волшебника он публикует письма, попавшие к нему в руки. Как и в “Адской почте” Эмина, издатель оказывается медиатором между фантастическим миром, из которого исходят письма, и миром действительным, в котором находится адресат – читатель журнала. Таким образом, “Почта духов”, как и “Адская почта”, послужившая, видимо, ее образцом (см.: [26, с. 64 сл.]), синтезирует жанровые формы журнала, обрамленной повести и романа в письмах. Традиции этого последнего жанра восприняты Крыловым и из другого источника – романов Ж.-Б. Буайе д’Аржана, к которым, как показывает М.В. Разумовская, восходят многие письма “Почты духов” [27].

II. Циклы в пределах части журнала.

Поскольку циклы данного класса охватывают лишь часть материалов в журнале, их сущест-

венной характеристикой становится взаимное расположение материалов. Как при рамочном, так и при формально-содержательном механизме циклизации оно может быть контактным, либо дистантным, либо контактным и дистантным одновременно.

1. Если рамочные структуры, объединяющие журнал в целом, поддерживаются образом издателя, то **рамочные структуры низшего уровня** создаются вокруг другого субъекта речи – **читателя**. Онтологический статус этих фигур различен. Образ издателя – alter ego издателя действительного; это абстракция, замещающая в тексте его личность. Образ читателя также может замещать действительно существующего читателя – корреспондента, но может быть и полностью фиктивным.

1.1. Помещенное в журнале письмо читателя, как правило, сопровождается ответом издателя, иногда также предисловием от лица издателя. **Письмо читателя вместе с ответом издателя и предисловием или без предисловия составляет своего рода малый цикл**. Предисловие, письмо читателя и ответ издателя объединены не только тематически, но и композиционно. Как правило, они расположены контактно: ответ следует непосредственно за письмом. Это базовый механизм циклизации в журналах, канонизированный Аддисоном и Стилем. Им активно пользуется “*Всякая всячина*”, но также и другие журналы – “*И то и сё*”, “*Смесь*”, “*Трутень*”, “*Живописец*”, а в журнале “*Рассказчик забавных басен*” есть примеры диалога между читателем и издателем в стихотворной форме.

В рамке, образуемой текстом от лица издателя, может выступать не читательское письмо, а поэтическое произведение: так во “*Всякой всячине*” введены две притчи А.П. Сумарокова [15, с. 33–34]. Чаше встречается смешанный случай: литературное произведение включено в состав читательского письма, которое, в свою очередь, вводится с помощью текста от лица издателя; таким образом, возникает двухуровневая рамочная структура. Например, в одной из статей “*Всякой всячины*” в составе одного из двух читательских писем, обрамленных общими предисловием и послесловием издателя, вводятся две эпиграммы [15, с. 185–190]; другая статья того же журнала включает письмо, в состав которого входит притча, с предисловием издателя [15, с. 65–67]; третья – письмо, обрамляющее притчу, и послесловие издателя [15, с. 377–381], причем в этом последнем случае письмо и притча подписаны разными именами.

Письмо читателя может выполнять функцию рамки для нескольких текстов, опубликованных в разное время, то есть размещенных дистантно. Например, в журнале “*Трутень*” подобного рода комплекс образуют письмо за подписью *Правдин*, “*Копия с отписки*”, “*Копия с другой отписки*” и “*Копия с помещицкого указа*”. В составе комплекса письмо выступает в роли предисловия; “*Копия с отписки*” следует непосредственно за ним в том же листе [13, с. 202–208], а “*Копия с другой отписки*” и “*Копия с помещицкого указа*”, также упомянутые в письме, занимают другой лист, вышедший четырьмя неделями позже [13, с. 233–240]. Персонажи – субъекты речи в текстах, составляющих этот цикл, разные.

Значение подобных рамочных структур состоит в том, что они моделируют ситуацию диалога, в наиболее распространенном случае – между издателем и читателем. Диалог может развиваться по разным сценариям. Иногда читатель просит издателя о совете и получает его. Например, во “*Всякой всячине*” помещено письмо, подписанное *Агаб Самануков*; читатель жалуется на то, что его презирают в обществе за бедность (хотя он сшил себе дорогой кафтан, чтобы быть одетым, как другие) и молчаливость, и спрашивает, как ему вести себя; отвечая, издатель поддерживает стремление читателя угодить общему мнению и советует, “чтоб он прервал бессловие” [15, с. 81–83]. Иногда читатель высказывает суждение, которое издатель оценивает. Например, во “*Всякой всячине*” помещено письмо, содержащее критику комедии В.И. Лукина “*Тесть и зять*”; в послесловии издатель настаивает на том, что “в теперешнем положении наук у нас <...> гораздо нужнее поощрение сочинителям, переводчикам и молодым людям, кои посвящают себя наукам, нежели строгая критика” [15, с. 43–46]. Предисловие от лица издателя или читателя, обрамляющее литературное произведение иного жанра, дает установку на восприятие этого произведения. Например, названное выше письмо Правдина вводит тему угнетения крестьян, которую развивают следующие далее сатирические документы: “вы из того усмотреть можете, как худые помещики над крестьянами данную власть употребляют во зло, и что такие господа едва ли достойны быть рабами у рабов своих, а не господами” [13, с. 203]. Во всех этих случаях одно и то же положение дел освещается в цикле с разных точек зрения. Возникающий при этом эффект сопоставим с полифонией в понимании Бахтина [21]. Отличие, впрочем, в том, что того равноправия голосов, о котором говорит Бахтин, в сатирических журналах обычно нет: дидактическая установка опреде-

ляет несомненный приоритет авторской позиции. Тем не менее эффект неполного совпадения точек зрения, даже внешний, позволяет автору усилить риторическую убедительность своих аргументов.

1.2. Дополнительный механизм циклизации статей вокруг образа читателя – **отсылки к ранее опубликованным статьям в позднейших**, формирующие еще один тип дистантных связей. Сочетание этого приема с объединением нескольких дистантно расположенных материалов под одной подписью, уже рассмотренным выше, позволяет создавать сложные системы соответствий между текстами.

Основой одной из таких систем становится первое среди читательских писем, помещенных во “Всеякой всячине”, – за подписью *Агафьи Хрипухиной* (в постскриптуме отмечено, что это не подлинное имя, а псевдоним). Читательница спрашивает, как ей излечиться от бессонницы. В качестве “лекарства” издатель предлагает “прочсть рядом шесть страниц нашего сочинения, а потом шесть страниц Тилемахиды” [15, с. 14–16]. Этот ответ открывает ряд критических суждений о творчестве В.К. Третьяковского, и в дальнейшем в письмах других читателей на эту тему даются отсылки к письму Агафьи Хрипухиной [15, с. 29–32, 43]. То же письмо упоминается и в другом контексте: еще одна корреспондентка – *Н. Петухова* решает обратиться в журнал за помощью, следуя ее примеру [15, с. 145]. В журнале также помещено еще одно письмо за подписью Агафьи Хрипухиной, посвященное другой теме: в нем критикуется поведение тех, кто обещает нанести визит и не выполняет обещания; к критике присоединяется издатель в сопровождающем письме ответе [15, с. 46–47]. Наконец, в продолжении “Всеякой всячины”, вышедшем в следующем, 1770 году под названием “Барышок Всеякия всячины”, появляется письмо за подписью *Агафьи Станостроевой*, которая утверждает, что ранее под псевдонимом *Агафья Хрипухина* выступала именно она [28, с. 450–451]. В образе Агафьи Хрипухиной сосредоточено несколько важных для поэтики журнала функций. Во-первых, он становится знаком литературно-критической темы. Во-вторых, письма Хрипухиной выступают как образцы коммуникативной стратегии – обращения в журнал за советом, которую вслед за ней реализуют другие читатели. Наконец, этот образ вовлекается в характерную для журнала ироническую игру.

В журнале “Трутень” цикл образуют несколько писем за подписью *Правдулюбов*, сыгравшие ключевую роль в известной полемике между

“Трутнем” и “Всеякой всячиной” [13, с. 33–36, 57–59, 193–199]. К этому ряду примыкает упоминание еще об одном, ненапечатанном письме *Правдулюбова* (в данном случае с буквой *о*) [20, с. 48]; отсылку к тому же образу можно видеть и в одном из сатирических “Объявлений”, где рассказывается о честном прокуроре *Правдулюбове* и судье *Криводушине* – взяточнике [13, с. 71]. На примере этой полемики можно видеть, как проблематизируется разграничение позиций читателя и издателя. Как известно, в письмах за подписью “Правдулюбов” высказываются принципиально важные полемические положения; “Всеякая всячина” вступает в спор с Правдулюбовым [15, с. 174–175], а издатель “Трутня” отказывается принимать ее критику на свой счет, заявляя, что “издалека и с улыбкою взирает он на брань *Всеякия всячины*, относящуюся к лицу г. *Правдулюбова*, ибо сие до него, как до чужих трудов издателя, ни почему не принадлежит” [13, с. 56].

2. Как уже было отмечено, циклы в пределах части журнала могут создаваться не только с помощью рамочных структур, но и на базе **формальной и содержательной общности текстов**. Такие циклы распадаются на три основных типа.

Первый представлен статьями, имеющими кумулятивную структуру, то есть состоящими из ряда сходных по форме и в то же время объединенных содержательной общностью компонентов. Эти компоненты располагаются контактно, но в составе журнала может быть несколько дистантно расположенных статей, состоящих из компонентов одного и того же типа и, соответственно, формирующих единый цикл.

Второй тип образуют статьи, не имеющие кумулятивной структуры, расположенные в основном дистантно и при этом характеризующиеся формальным сходством, которое может сопровождаться и содержательным сближением.

Третий тип составляют группы статей, близкие прежде всего в содержательном отношении; формальное сходство иногда отсутствует, иногда поддерживает содержательную общность. Связь текстов хорошо заметна при их контактном расположении, но ее можно проследить и при дистантном, когда в разных выпусках журнала затрагивается одна и та же сквозная тема.

2.1. **Кумулятивные структуры** создаются на базе элементов различных типов.

2.1.1. Один из наиболее распространенных видов таких структур – **цикл характеров**. Широкое распространение характеров неудивительно: недостатки человека – центральный объект сати-

ры. В сатирических журналах характеры в большинстве своем сатирические, хотя встречаются и идеализированные, выступающие как примеры для подражания, и амбивалентные. Форма характера восходит еще к античным образцам, и уже в античной литературе заметна тенденция к объединению характеров в циклы. В прозе примером такого цикла являются “Характеры” Феофраста; в качестве их продолжения задуманы “Характеры, или нравы нынешнего века” Ж. де Лабрюйера, ставшие важнейшим образцом жанра в европейской литературе Нового времени. Циклы характеров являются также важным конструктивным элементом античной и новоевропейской поэтической сатиры [29, с. 421–424].

В основе формы характера лежит перечисление качеств персонажа или типичных для него поступков, выступающих как проявление качеств. Характер может свертываться вплоть до упоминания какого-нибудь одного качества или поступка и, напротив, развертываться, включая в свой состав эпизод с участием персонажа, монолог, диалог; суждения персонажа могут передаваться в форме прямой, несобственно-прямой или косвенной речи. В рамках цикла все эти формы характера могут чередоваться, что создает эффект разнообразия. Циклы сатирических характеров есть, например, в журналах “Трутень” [13, с. 129–132, 217–224, 257–264, 273–284; 20, с. 17–24, 90–100 и др.] и “Смесь” (в этом последнем журнале несколько статей такого рода восходят к французским источникам [30, с. 73–78, 121–126 и др.; 31; 32, с. 370–372]).

Форма характера может модифицироваться путем наложения **дополнительных ограничений на структуру текста**. Эти ограничения могут быть как формальными, так и содержательными.

В качестве примера **формальных** ограничений можно назвать цикл из журнала “Трутень” – “Смеющийся Демокрит”, помещенный в двух листах [13, с. 217–224, 257–264]. Каждый из входящих в него текстов (за двумя исключениями) начинается как сцена встречи рассказчика – Демокрита с изображаемым персонажем: “Ба! это г. *Влюбчив*. Что он так скоро бежит?..” [13, с. 220]; “Вот еще дурак, но только другого рода. Это *Прост...*” [13, с. 221] и т. д. Однако в большинстве случаев сюжет не получает развития; вместо этого следует характеристика (часто в форме перечисления обычных для персонажа поступков), которая завершается оценкой, например: “Как над ним не посмеяться! Ха! ха! ха!” [13, с. 220]. Междометие “Ха! ха! ха!” повторяется в каждом из текстов; это повторение составляет характер-

ную особенность цикла. Два последних текста в цикле – “Я вижу в театре двух в ложе дам...” и “Что за человек с таким вниз по лестнице бежит стремлением?..” [13, с. 261–264] – представляют собой, напротив, не характеры, а повествовательные эпизоды-сценки, где персонажи проявляют себя в действии. Таким образом, на протяжении большей части цикла характеры – описательный жанр при помощи краткого вступления, намечающего сюжет, “маскируются” под повествование; на этом фоне уже последние два текста, где именно повествование становится формой характеристики, вступают в конфликт со сформированным ранее читательским ожиданием. В другом цикле из журнала “Трутень”, “Картины” [20, с. 90–100], сатирический характер дается в форме экфрасиса – описания несуществующей картины, в том числе с аллегорическим элементом.

Примером дополнительных ограничений на **содержание** может служить цикл “Каковы мои читатели” из журнала “Трутень” [13, с. 273–284]. Основу каждого из характеров в данном случае составляет суждение персонажа о самом журнале, причем одни персонажи оказываются способными понять авторский замысел, другие – нет.

Одновременно формальные и содержательные ограничения реализованы в статье “Приняв название живописца...” из журнала Н.И. Новикова “Живописец” [33, ч. 1, с. 17–32]. Большую часть статьи составляет ряд сатирических характеров, обрамленный вступительным рассуждением и кратким заключением, обращенным к читателю. Содержательное ограничение – тематическое: статья доказывает необходимость “наук”, то есть просвещения, и основу каждого из характеров составляет суждение персонажа о науках. Все характеры сатирические, ни один персонаж не видит в науках пользы; этот ряд напоминает каталог сатирических характеров в сатире I А.Д. Кантемира, где разрабатывается та же тема. Формальное ограничение состоит в том, что суждения персонажей везде выражены в форме прямой речи, вводимой глаголом *говорить* (в одном случае – *рассуждать*).

В основе характера может быть **пародия** на какой-либо жанр. Так происходит в цикле “Рецепты” из журнала “Трутень” [13, с. 177–192, 201–202, 209–216, 241–243]. Этот цикл развивает традиционную метафору порока как болезни, требующей излечения. Большинство текстов, составляющих цикл, распадаются на две части – характеристику персонажа и “рецепт”, пародирующий рецепты медицинские. Например, глупцу *Скудоуму* предписывается “принимать всякий день по 10 золот-

ников здравого рассуждения, по 8 унций охоты к чтению хороших авторов и беспрестанно нюхать порошок, прочищающий толстые перепонки, выросшие на его мозгу” [13, с. 202].

Пародийная форма позволяет варьировать типы текстов, входящих в цикл, при этом характеры могут чередоваться с другими жанровыми структурами. Подобным образом организованы пародийные “Ведомости” в журнале “Трутень” [13, с. 28–32, 41–48, 65–72, 121–128, 137–144]. Наряду с характерами, как сатирическими, так и идеализированными, в нем представлены различные повествовательные формы, от сценки-эпизода до псевдобиографического нарратива – истории крепостного живописца, которого помещик решает продать, а “некоторый знатный господин”-меценат выкупает [13, с. 42–43]. В составе “Ведомостей” есть даже литературно-полемическая статья [13, с. 138–139] и известие о ходе войны с Турцией, лишенное сатирической тенденции [13, с. 123].

Характерной особенностью цикла “Ведомостей” в “Трутне” является также разнообразие малых пародийных форм, входящих в его состав. Цикл объединяет два типа статей, пародирующих современные Новикову газеты: “сообщения о событиях” и “объявления” разных видов – “Подряды”, “Продажа”, “Курс деньгам”, “Отъезжающие”.

Форма “Ведомостей” получает продолжение в другом журнале Новикова – “Живописец” [33, ч. 1, с. 41–48, 153–160; 33, ч. 2, с. 301–304], где сохраняется и разнообразие пародийных форм, и варьирование структурных типов текстов.

Пародийные ведомости с объявлениями появляются и в журнале “Что-нибудь” [18, № 18, с. 8; № 19, с. 1–2]. В одной из статей этого цикла, “С Парнаса”, действие принимает фантастический характер (подобный случай есть и в “Ведомостях” Новикова, а кроме того, как отмечено выше, фантастический колорит отличает вводную статью журнала “Что-нибудь”): устраненные из русского алфавита буквы – *зело*, *юс* и др. – подают челобитную Аполлону с просьбой их “не выкидывать из буквословия”, Аполлон отказывает [18, № 18, с. 7–8; № 19, с. 1–5]. Структура статьи осложняется введением в ее состав пародийной челобитной от лица букв и речи Аполлона в стихах.

Ю.В. Стенник предполагает воздействие “Ведомостей” Новикова на замысел Н.И. Стрехова: журнал “Сатирический вестник”, рассмотренный выше, сходен с “Ведомостями” в отношении состава и расположения пародийных рубрик [34, с. 266]. Форма одного из циклов “Трутня” и “Жи-

вописца” выступает, таким образом, в качестве основы издания как целого.

2.1.2. Жанр характера реализует дидактическую функцию журнала в форме констатации психологического и социального факта. Есть и тип текстов, в котором дидактический принцип реализуется как призыв к действию: это **правила поведения**. Они также встречаются в журналах и также тяготеют к кумуляции. Этой форме присущ лаконизм: обычен объем в одно предложение. Такие правила есть, например, в журнале “Живописец”, где их ввод мотивируется читательским письмом [33, ч. 1, с. 69–72].

Встречаются и **пародийные правила поведения**. Несколько образцов этой формы есть в журнале “Что-нибудь от безделья на досуге”. Например, 30 пародийных рекомендаций включает статья “Общие правила нынешнего света” [19, с. 241–245]. Непосредственно за ней следует другая статья такого типа – “Должности модного человека в обществе” [19, с. 245–250], которая представляет пример двухуровневой кумулятивной структуры. Она состоит из пяти разделов, каждый из которых, в свою очередь, организован на основе кумулятивного принципа. В статье “Правила жизни”, помещенной там же [19, с. 145–148], цикл пародийных правил заключен в повествовательную рамку. Большую часть статьи составляет прямая речь героя – старика, который перед смертью наставляет детей. Он называет им правила, которые “молодые и знаменитые на сем свете люди наблюдают очень твердо” [19, с. 146], например, такие: “Презирать всякого, кто беднее или ниже чином”, “Насмехаться всем тем, которые попечительны, старательны, заботливы и прилежны” [19, с. 147]. Эти правила занимают центральную часть текста, но затем монолог завершается контрастным финалом. Старик говорит, что сам он “жил по-старинному и никогда им не следовал”, а соблюдал “всегда одно правило: *Делать сколько можно меньше зла и сколько можно больше добра*” [19, с. 147–148].

2.1.3. Еще одна распространенная циклическая форма – **сатирические определения**. В их центре – не персонаж, как в характерах, не действие, как в правилах, а слово. Определение ведет читателя от слова к стоящей за ним реалии, которая и оказывается объектом сатиры.

Основной тип такого рода циклов – **пародийный словарь**. Классические образцы этого жанра – “Опыт немецкого словаря” и “К немецкому словарю” Г.В. Рабенера [35, S. 8–40, 110–131], возникшие как отклик на анонимную публикацию – “Опыт морального словаря” (см.: [36]). Ча-

стичный русский перевод под названием “Опыт немецкого словаря, расположенного по русскому алфавиту. Переведено из сатирических сочинений Готлиба Вильгельма Рабенера” выполнен А.А. Нартовым; он опубликован в 1759 году в журнале А.П. Сумарокова “Трудолюбивая пчела” [37, с. 195–211] (см.: [38, с. 178; 32, с. 345]).

Композиционная и семантическая структура статей в пародийных словарях различна. Во-первых, темой статьи может быть как употребление слова, так и распространение явления, которое обозначается этим словом. Во-вторых, критика словоупотребления может носить как семантический, так и стилистический характер. В-третьих, если в статье дается сатирическое толкование слова, то оно может сопровождаться либо не сопровождаться буквальным.

Примеры сатирических “словарных” материалов, обращенных к разъяснению реалий, находятся в цикле “Статьи из русского словаря” из журнала “Трутень”. Это два текста, соединенных антитезой: “*Украсить голову по-французски*” и “*Украсить разум науками*” [13, с. 36–39]. По существу, они представляют собой развернутые дидактические рассуждения. В этом цикле есть и третья статья – “*Как ли не*” [13, с. 39–40], где за стилистической критикой употребления *как ли не* вместо *как ни* скрывается литературная полемика с В.И. Лукиным (см.: [39, с. XXIV]).

В “Опыте модного словаря щегольского наречия” из журнала “Живописец” [33, ч. 1, с. 73–80] уже не разъясняются реалии, а толкуются слова. Антитетический принцип композиции реализован здесь внутри статьи – как оппозиция двух значений одного и того же слова. Оба значения разъяснены в тексте. Систематически противопоставляются “прежнее” значение, которое слово имело раньше, и “новое”, типичное для щегольского жаргона, например: “АХ! в щегольском наречии совсем противное от прежнего приняло знаменование. Прежде сие словцо изъявляло знаки удивления, сожаления и ужаса”, а теперь в “наречии” щеголих “Ах большею частию преследуется смехом, а иногда говорится в ироническом смысле; итак, удивительный и ужасный Ах переменялся в шуточное восклицание” [33, ч. 1, с. 73]. Критика “щегольского наречия” ведется в трех планах: стилистическом, семантическом и, главное, мировоззренческом. Антитеза значений – внешнее выражение различия взглядов на мир и типов поведения. Оценка их очевидна: поведение, соответствующее традициям, одобряется, а поведение щеголей осуждается.

Иную структуру имеют сатирические словари, помещенные в журнале “Что-нибудь от безделья на досуге”: “Опыт ученого и модного словаря, или ключ ко всем дверям, ларцам, сундукам, шкапам и ящикам учености” [19, с. 33–44] и “Лексикон для щеголей и модников” [19, с. 401–414]. Статьи меньше по объему, чем в “Трутне” и “Живописец”, но их больше – несколько десятков в каждом из словарей. В “Опыте...” даются иронические толкования ключевых понятий культуры, отражающие их дискредитацию в современном автору обществе: *друг* – это “тот человек, у которого можно часто попить, поесть и повеселиться” [19, с. 36]. Некоторые из пародийных дефиниций основаны на смещении фокуса внимания с основного смысла определяемого действия на его следствие, причем возникает эффект остранения: “*Танцевать* значит от разных прыжков и вертенья довести себя до усталости и протапывать обувь скорее обыкновенного” [19, с. 42]. “Лексикон для щеголей и модников” в содержательном отношении уже, чем “Опыт...”: он обращен в основном к традиционной сатирической теме характерных для щегольской культуры непрочных любовных увлечений.

В том же журнале используется и другая форма расположения сатирических определений – **табличная** [19, с. 48]. Строки таблицы следуют в порядке градации определяемых качеств.

Циклическая композиция, основанная на структурном сходстве элементов, сосуществует с другим измерением текстового единства – образно-тематическим. Основные темы, варьируя формы, в том числе и циклические, поддерживают преемственность содержания. Это особенно очевидно на примере традиционных комических образов-масок: скупца, взяточника, сплетника, волокиты и т.п., которые можно встретить в составе циклов сатирических характеров, какие бы формы они ни принимали. По отношению к базовым образам и темам сатиры элементы циклических структур выступают как трансформы, различающиеся степенью абстракции, точкой зрения, аспектом раскрытия темы. Например, характер допускает меньшую детализацию в одних своих разновидностях, сводящихся к перечню качеств, и большую – в других, тяготеющих к типу сюжетной сценки. Ряд правил поведения позволяет, устранив детали, выразить дидактическую или сатирическую тему в форме не частного случая, а общего правила, подчеркнув акциональную доминанту – те действия, в которых реализуются качества личности. Структура пародийного словаря позволяет взять за точку отсчета не явления, обозначаемые словами, а собственно слова; вслед

за сатириком читатель проходит путь от названия психологического и социального факта к самому факту. Иными словами, циклические структуры позволяют варьировать способы раскрытия одних и тех же тем, достигая разнообразия форм при содержательной общности.

2.2. Как было указано выше, наряду с объединением малых форм по кумулятивному принципу циклизация может основываться на **общности поэтики более крупных статей**.

Циклы подобного типа входят в состав журнала “Что-нибудь от безделья на досуге”. Один из них составляют статьи, посвященные толкованию различных абстрактных понятий, эти понятия вынесены в заглавие: “Случай” [19, с. 65–68], “Справедливость” [19, с. 94–96], “Постоянство” [19, с. 103–110], “Терпение” [19, с. 111–112] и др. Помимо единообразия заглавий, статьи связаны композиционным сходством. Некоторые из статей открываются определением ключевого понятия, основная часть текста посвящается раскрытию этого понятия, причем в подкрепление аргументов автор приводит исторические примеры и цитаты. Характерно риторическое оформление текста, позволяющее создавать эффект афористической замкнутости фраз; важным средством связи элементов текста между собой служит повтор ключевого слова, а также однокоренных ему слов.

Особый малый цикл в том же журнале образуют две статьи – “Нечаянно” и “Может быть”, в основе которых – персонификация абстрактных понятий, вынесенных в заглавия [19, с. 206–208, 273–275]. Общность использованного в статьях приема подчеркивает смысловое сближение: и в том, и в другом случае выражено значение неопределенности (см.: [40, с. 186]).

Циклы такого типа выражают тяготение журнала к энциклопедическому принципу. Сходство частей, скрепляя разделяющее их текстовое пространство, указывает читателю на то, что он должен воссоздать из них целое.

2.3. Наконец, основой циклизации может служить не формальное, а **содержательное** сходство.

Например, во многих статьях журнала “Рассказчик забавных басен” затрагивается тема чести и честности, бедности достойных людей и богатства, приобретенного недостойным путем. Ей посвящен, например, цикл из трех произведений: во втором листе журнала помещена повесть “Мужик, ищущий чести”, а в третьем – “Стансы” (“Кто честь снискал умом, какая то причина?..”) и повесть “Долг” [41, с. 11–18]. В первой повести

тема раскрывается с помощью остранения: добродетельный, но необразованный работник слышит непонятное ему слово *честь* (он знает только слово *совесть*), принимает его за имя человека, отправляется в город на ее поиски и в финале встречает добродетельного, но небогатого судью, который объясняет ему смысл этого слова. В “Стансах” рассуждение о честном и бесчестном поведении принимает абстрактную форму, причем осуждается взяточничество чиновников. В повести “Долг” снова создается образ честного, но бедного судьи, который на этот раз становится центральным персонажем. Тема взяточничества в дальнейшем также становится одной из центральных в журнале.

Теме честности посвящен и другой цикл, иной структуры. Десятый лист журнала открывается повествовательным фрагментом, где издатель выступает одновременно как рассказчик и центральный персонаж. К нему приходит заимодавец, с которым он по бедности не может расплатиться, и убеждает его забыть о честности, так как иначе он останется бедняком; рассказ в прозе, но совет заимодавца – в стихах. Далее помещено стихотворение, по сюжетной модели представляющее собой анекдот об остроумном ответе – “По улице идёт черкас...”, которое подтверждает мысль о том, что честность важнее богатства [41, с. 73–78]. В данном случае тематическое единство связывает циклы, принадлежащие разным композиционным типам: во втором из них образ издателя формирует рамочную структуру (подобные явления рассмотрены выше), тогда как в первом рамочный принцип не используется.

Используется в сатирических журналах и композиционный параллелизм текстов, подкрепляющий тематическую общность. В том же журнале контактно размещены две басни: “Овцы и сарай” – последняя статья в третьем листе [41, с. 23–24], “Конь и мешок” – первая в четвертом [41, с. 25–26]. В первой басне овцы находят сено в сарае; сарай (он олицетворяется как персонаж) гордится тем, что ему оказывают честь, но овцы говорят, что им нужен не сам сарай, а сено; мораль – осуждение гордости. Во второй конь находит мешок с сеном, ест и бросает мешок; мораль – осуждение неблагодарности. Сходные сюжетные ситуации рассмотрены в двух текстах с противоположных точек зрения.

Эффект переключения точек зрения сближает циклы этого типа с теми, которые формируются вокруг читательских писем, однако достигается он иным путем. Если контакт образов издателя и читателя создает ситуацию диалога, то в отсут-

ствие этого контакта на первый план выходит прием монтажа. Принцип неоднозначности не реализуется в тексте как столкновение сознаний, а имплицитно реализуется в рядоположении вариантов темы; их соединение в сознании читающего превращает плоскостную картину в объемную.

Феномен циклизации проблематизирует отношение между частями и целым. Он задает двунаправленное движение мысли: от элемента к общности и от общности к элементу. В сатирических журналах оба этих принципа выполняют конститутивную функцию.

Способность циклов собирать воедино произведения малых форм служит композиционной скрепой. Циклизация усиливает связность текста. Благодаря ей сатирический журнал приобретет исключительное для периодического издания единство. Если литературные журналы последующих периодов поддерживают единство, прежде всего, на концептуальном уровне, а композиционная целостность заметна в пределах номера [42, с. 105 сл.], то в сатирических журналах она охватывает весь текст.

В то же время циклическая композиция позволяет развернуть базовую тему или образ в ряд реализаций, тем самым создавая основу для варьирования и чередования точек зрения. Она вносит в структуру журнала элементы диалога, дает возможность достичь разнообразия форм и интерпретаций при общности важнейших тем и единстве дидактической интенции. Циклизация становится одним из приемов, позволяющих сатирическим журналам преодолеть парадокс дидактического искусства: достичь эстетического воздействия при заданности содержания (ср.: [43]).

Своеобразие циклизации в сатирических журналах определяет не только ее строевая роль, но и сложность, разветвленность образуемой циклами системы, причем журналы различаются ее устройством. Например, во “Всеякой всячине” образ издателя придает черты цикла всему журналу, организуя систему малых циклов, сформированных вокруг писем читателей. В “Трутне” роль издателя меньше, но этот журнал отличается значительное разнообразие циклических форм. Внутри общей циклической структуры “Сатирического вестника” находится ряд отдельных статей, представляющих собой циклы. Таким образом, циклизация в сатирических журналах, будучи одним из важнейших аспектов их поэтики, представляет интерес и в типологической перспективе как пример разнообразия и сложности циклических систем и их исключительного композиционного значения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Дарвин М.Н. Проблема цикла в изучении лирики. Кемерово, 1983. [Darvin, M.N. *Problema tsikla v izuchenii liriki* [The Problem of the Cycle in the Study of Lyrics]. Kemerovo, 1983.]
2. Фоменко И.В. О поэтике лирического цикла. Калинин, 1984. [Fomenko, I.V. *O poetike liricheskogo tsikla* [On the Poetics of the Lyrical Cycle]. Kalinin, 1984.]
3. Ляпина Л.Е. Литературная циклизация (к истории изучения) // Русская литература. 1998. № 1. [Lyapina, L.E. [Literary Cyclization (On the History of Study)] *Russkaya literatura* [Russian literature], 1998, № 1.]
4. Гареева Л.Н. Вопросы теории цикла (лирического и прозаического) // “Стихотворения в прозе” И.С. Тургенева: Вопросы поэтики. Ижевск, 2004. [Gareeva, L.N. [The Questions of Cycle Theory (The Lyrical and Prosaic)] “*Stikhotvoreniya v proze*” I.S. Turgenyeva: *Voprosy poetiki* [I.S. Turgenyev’s Prose Poems: Issues of Poetics]. Izhevsk, 2004.]
5. Киселев В.С. Коммуникативная природа метатекстовых образований (на материале русской прозы конца XVIII – первой трети XIX века) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2005. Т. 64. № 3. [Kiselev, V.S. [Communicative Nature of Meta-text Units (On the Basis of Russian Prose of the End of the 18th – the First Third of the 19th Century)] *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Language and Literature], 2005, vol. 64, no. 3.]
6. Песков А.М. Из предьистории лирической циклизации в русской поэзии: первая треть XIX века. Циклизация в сборнике “Стихотворения Евгения Баратынского” 1827 года (фрагмент главы из книги) // Новое литературное обозрение. 2010. № 105. [Peskov, A.M. [From the Prehistory of the Lyrical Cyclization in Russian Poetry. Cyclization in the Collection “Yevgeny Baratynsky’s Poems” (Fragment of a Book Chapter)] *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2010, no. 105.]
7. Вроон Р. “Оды торжественные” и “Елегии любовные”: история создания, композиция сборников // Сумароков А.П. Оды торжественные. Елегии любовные. Репринтное воспроизведение сборников 1774 года. Приложение: Редакции и варианты. Дополнения. Комментарии. Статьи; Изд. подг. Р. Вроон. М., 2009. [Vroon, R. [“Laudatory Odes” and “Love Elegies”: the Genetic History, the Arranging of Collection] Sumarokov, A.P. *Ody torzhestvennyya. Elegii lyubovnyya. Reprintnoe vosproizvedenie sbornikov 1774 goda. Prilozhenie: Redaktsii i varianty. Dopolneniya. Kommentarii. Stat’i*; Izd. podg. R. Vroon [Laudatory Odes. Love Elegies. Reprint of the 1774 Collection. Supplement: Versions and Variants. Additions. Comments. Articles. Ed. prepared by R. Vroon]. Moscow, 2009.]

8. Эйхенбаум Б.М. “Герой нашего времени” // Эйхенбаум Б.М. О прозе. Л., 1969. [Eikhenbaum, B.M. “A Hero of Our Time”] Eikhenbaum, B.M. *O proze* [On Prose]. Leningrad, 1969.]
9. Лотман Л.М., Виrolainen М.Н. Драматургия Пушкина // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 7: Драматические произведения. СПб., 2009. [Lotman, L.M., Virolainen, M.N. [Pushkin’s Dramatic Works] Pushkin, A.S. *Poln. sobr. soch.: v 20 t. T. 7: Dramaticheskie proizvedeniya* [Complete Works: In 20 vols. Vol. 7: Dramatic Works]. St. Petersburg, 2009.]
10. Фомичев С.А. Последний лирический цикл Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л., 1985. [Fomichev, S.A. [Pushkin’s Last Lyrical Cycle] *Vremennik Pushkinskoj komissii* [Annals of the Pushkin Commission]. 1981. Leningrad, 1985.]
11. Тюна В.И. Градация текстовых ансамблей // Европейский лирический цикл: Историческое и сравнительное изучение. М., 2003. [Тура, V.I. [The Gradation of the Textual Ensembles] *Evropejskij liricheskij tsikl: Istoricheskoe i sravnitel’noe izuchenie* [The European Lyrical Cycle: A Historical and Comparative Study]. Moscow, 2003.]
12. Левин Ю.Д. Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века // Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. [Levin, Yu.D. [English Enlightenment Journalism in the Russian 18th-Century Literature] *Epokha Prosveshcheniya: Iz istorii mezhdunarodnykh svyazej russkoj literatury* [The Age of Enlightenment: From the History of International Literary Connections of the Russian Literature]. Leningrad, 1967.]
13. Трутень, еженедельное издание, на 1769 год. СПб. [Truten’, *ezhenedel’noe izdanie, na 1769 g.* [The Drone, a Weekly Publication, for 1769]. St. Petersburg.]
14. Поденьшина, сатирический журнал Василия Тугова. 1769 / Издание А. Афанасьева. М., 1858. [Poden’shina, *satiricheskij zhurnal Vasiliya Tuzova. 1769 / Izdanie A. Afanas’eva* [Day Labour, a Satirical Magazine by Vasilij Tuzov. 1769 / Ed. by A. Afanas’ev]. Moscow, 1858.]
15. Всякая всячина. [СПб., 1769]. [Vsyakaya vsyachina [All Sorts]. [St. Petersburg, 1769].]
16. Пухов В.В. Лазаревич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999. [Pukhov, V.V. [Lazarevich] *Slovar’ russkikh pisatelej XVIII veka. Вып. 2* [The Dictionary of the Russian 18th-Century Writers, issue 2]. St. Petersburg, 1999.]
17. И то и сё. [СПб., 1769]. [I to i sjo [This and That]. [St. Petersburg, 1769].]
18. Что-нибудь, еженедельное издание с мая по ноябрь 1780 года. Состоящее из 26 листов или недельные полгода в прозе и стихах сочинениях и переводах. СПб. Печатано вторым тиснением 1782 года. [Chto-nibud’, *ezhenedel’noe izdanie s maiya po noyabr’ 1780 g. Sostoyashchee iz 26 listov ili nedel’nye polgoda v proze i stikhakh sochineniyakh i perevodakh. СПб. Pechatano вторым тиснением 1782 g.* [Something, a Weekly Publication from May to November 1780. Consisting of 26 Sheets or Once a Week through Half a Year in Prose and Verse, Works and Translations. St. Petersburg. 2nd edition printed in 1782].
19. Осипов Н.П. Что-нибудь от безделья на досуге. Еженедельное издание. СПб., 1800. [Osipov, N.P. *Chto-nibud’ ot bezdel’ya na dosuge. Ezhenedel’noe izdanie* [Something for Idleness at Leisure. A Weekly Publication]. St. Petersburg, 1800.]
20. Трутень, еженедельное издание, на 1770 год. СПб. [Truten’, *ezhenedel’noe izdanie, na 1770 g.* [The Drone, a Weekly Publication, for 1770.]. St. Petersburg.]
21. Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6: “Проблемы поэтики Достоевского”, 1963. Работы 1960-х – 1970-х гг. М., 2002. [Bakhtin, M.M. *Sobr. soch.: V 7 t. T. 6: “Problemy poetiki Dostoevskogo”, 1963. Raboty 1960-kh – 1970-kh gg.* [Collected Works: In 7 vols. Vol. 6: “Problems of Dostoevsky’s Poetics”, 1963. The Works of the 1960s – 1970s]. Moscow, 2002.]
22. [Страхов Н.И.] Сатирический вестник, удобо-способствующий разглаживать наморщенное чело старичков, забавлять и купно научать молодых барынь, девушек, щеголей, вертопрахов, волокит, игроков и прочего состояния людей, писанный небывалого года, неизвестного месяца, несведомого числа, неизвестным сочинителем. Ч. 1–9. М., 1790–1792. [[Strakhov, N.I.] *Satiricheskij vestnik, udobosposobstvuyushchij razglazhivat’ namorshchennoe chelo starichkov, zabavlyat’ i kupno nauchat’ molodykh baryn’, devushek, shchegolej, vertoprakhov, volokit, igrokov i prochego sostoyaniya lyudej, pisannyj nebyvalogo goda, neizvestnogo mesyatsa, nesvedomogo chisla, neznaemyym sochnitelem* [The Satirical Herald, Well Fit to Smooth Out the Wrinkles on Old Men’s Foreheads, Amuse as well as Teach Young Ladies, Fops, Flibbertigibbets, Philanderers, Gamblers and People of All Other Estates, Written in an Unreal Year, on an Unknown Day, by an Unheard-of Author]. Ch. 1–9. Moscow, 1790–1792.]
23. Эмин Ф.А. Адская почта, или Переписки хромоно-го беса с кривым / Подг. текста, вступ. ст. и ком-мент. В.Д. Рака. СПб., 2013. [Emin, F.A. *Adskaya pochta, ili Perepiski khromonogogo besa s krivym / Podg. teksta, vstup. st. i komment. V.D. Raka* [Mail from Hell, or the Correspondence of a Lame Devil with a One-Eyed One / Text preparation, introductory article and commentary by V.D. Rak]. St. Petersburg, 2013.]
24. Крылов И.А. Почта духов, или Ученая, нравствен-ная и критическая переписка арабского филосо-фа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами // Крылов И.А. Полн. собр. соч.: [В 3 т.] Т. 1: Проза / Ред. текста и примеч. Н.Л. Степанова. М., 1945. [Krylov, I.A. [Spirits’

- Mail, or Learned, Moral and Critical Correspondence of the Arab Philosopher Malikulmulk with Water, Air and Underground Spirits] Krylov, I.A. *Poln. sobr. soch.: [v 3 t.] T. 1: Proza / Red. teksta i primech. N.L. Stepanova* [Complete Works: In 3 vols. Vol. 1: Prose / Edition of the text and notes by N.L. Stepanov]. Moscow, 1945.]
25. *Рак В.Д.* Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века (Иностранные источники, состав, техника компиляции). СПб., 1998. [Rak, V.D. *Russkie literaturnye sborniki i periodicheskie izdaniya vtoroj poloviny XVIII veka (Inostrannye istochniki, sostav, tekhnika kompilyatsii)* [Russian Literary Collections and Periodicals of the Second Half of the 18th Century (Foreign Sources, Composition, Compilation Technique)]. St. Petersburg, 1998.]
26. *Кочеткова Н.Д.* Сатирическая проза Крылова // Иван Андреевич Крылов: Проблемы творчества. Л., 1975. [Kochetkova, N.D. [Krylov's Satirical Prose] *Ivan Andreevich Krylov: Problemy tvorchestva* [Ivan Andreevich Krylov: Problems of Literary Work]. Leningrad, 1975.]
27. *Разумовская М.В.* "Почта духов" И.А. Крылова и романы маркиза д'Аржана // Русская литература. 1978. № 1. [Razumovskaya, M.V. [*Spirits' Mail* by I.A. Krylov and the Novels of the Marquis d'Argens] *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1978, no. 1.]
28. Барышок Всякия всячины. 1770 года. [СПб.] [*Baryshok Vsyakiya vsyachiny. 1770 g.* [Addition to All Sorts. 1770]. [St. Petersburg.]]
29. *Щеглов Ю.К.* Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб., 2004. [Shcheglov, Yu.K. *Antiokh Kantemir i stikhotvornaya satira* [Antiokh Kantemir and the Verse Satire]. St. Petersburg, 2004.]
30. Смесь, новое еженедельное издание. [СПб.], 1769. [*Smes', novoe ezhenedel'noe izdanie* [The Medley, a New Weekly Publication]. [St. Petersburg], 1769.]
31. *Солнцев В.Ф.* "Смесь". Сатирический журнал 1769 года // Библиограф. 1893. № 1. [Solntsev, V.F. *The Medley, a 1769 Satirical Magazine*] *Bibliograf* [The Bibliographer], 1893, no. 1.]
32. *Рак В.Д.* Иностранная литература в русских журналах XVIII века (Библиографический обзор) // Русско-европейские литературные связи. Энциклопедический словарь. СПб., 2008. [Rak, V.D. [Foreign Literature in the Russian 18th-Century Magazines (A Bibliographic Overview)] *Russko-evropejskie literaturnye svyazi. Entsiklopedicheskij slovar'*. [Russian-European Literary Connections. An Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, 2008.]
33. Живописец, еженедельное на 1772 год сочинение. Ч. [1]–2. СПб., [1772–1773]. [*Zhivopisets, ezhenedel'noe na 1772 g. sochinenie. Ch. [1]–2* [The Painter, a Weekly Essay for the 1772. Parts [1]–2]. St. Petersburg, [1772–1773].]
34. *Стенник Ю.В.* Русская сатира XVIII века. Л., 1985. [Stennik, Yu.V. *Russkaya satira XVIII veka* [Russian Satire of the 18th Century]. Leningrad, 1985.]
35. Neue Beiträge zum Vergnügen des Verstandes und Witzes. Bd. 3. Leipzig und Bremen, 1746.
36. *Schmitz-Emans M.* Neue Perspektiven auf Sprachbestände und Ausdrucksweisen: Das Wörterbuch als Form der Satire, Parodie und Diskurskritik (Rabener – Lichtenberg – Flaubert – Bierce) // Schmitz-Emans M. *Enzyklopädien des Imaginären*: <http://www.actalitterarum.de/theorie/mse/enz/enzn02.html>. 2010.
37. Трудолюбивая пчела. Апрель 1759 года. СПб. [*Trudolyubivaya pchela. April' 1759 g.* [The Industrious Bee. April, 1759]. St. Petersburg.]
38. *Данилевский Р.Ю.* Рабнер // Русско-европейские литературные связи. Энциклопедический словарь. СПб., 2008. [Danilevskij, R.Yu. [Rabener] *Russko-evropejskie literaturnye svyazi. Entsiklopedicheskij slovar'* [Russian-European Literary Connections. An Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, 2008.]
39. *Пыпин А.Н.* В.И. Лукин // Лукин В.И., Ельчанинов Б.Е. Сочинения и переводы / Под ред. П.А. Ефремова. СПб., 1868. [Pypin A.N., [V.I. Lukin] Lukin, V.I., El'chaninov, B.E. *Sochineniya i perevody / Pod red. P.A. Efremova* [Works and Translations / Ed. by P.A. Efremov]. St. Petersburg, 1868.]
40. *Веселова А.Ю.* Концепция "истинной лжи" Н.П. Осипова // XVIII век. Сб. 23. СПб., 2004. [Veselova, A.Yu. [N.P. Osipov's Conception of "True Lie"] *XVIII vek. Sb. 23* [The 18th Century. Vol. 23]. St. Petersburg, 2004.]
41. Рассказчик забавных басен, служащих к чтению в скучное время, или когда кому делать нечего. Стихами и прозою. [Полугодие 1-е]. М., 1781. [*Rasskazchik zabavnykh basen, sluzhashchikh k chteniyu v skuchnoe vremya, ili kogda komu delat' nechego. Stikhami i prozoju. [Polugodie 1-e]*. [The Teller of Amusing Stories, for Reading when Bored, or when One Has Nothing to Do. [1st half of the year]]. Moscow, 1781.]
42. *Зыкова Г.В.* Поэтика русского журнала 1830-х – 1870-х гг. М., 2005. [Zykova, G.V. *Poetika russkogo zhurnala 1830-kh – 1870-kh gg.* [The Poetics of the Russian Magazine of the 1830s – 1870s.]. Moscow, 2005.]
43. *Лотман Ю.М.* Каноническое искусство как информационный парадокс // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992. [Lotman, Yu.M. [Canonical Art As Informational Paradox] Lotman Yu.M. *Izbrannye stat'i: v 3 t. T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected Papers: In 3 vols. Vol. 1: Papers on Semiotics and Typology of Culture]. Tallinn, 1992.]